

Глава 17

Антиномии между авторитаризмом и демократией в политической культуре России

Уже много сказано о том, что Россия переживает переходный период, главное содержание которого состоит в преобразовании тоталитарной политической системы со всеми ее институтами, структурами и отношениями в совершенно новую политическую систему. Несмотря на то что уже принята первая демократическая Конституция страны и в ходе действительно всенародных выборов избрано Федеральное Собрание, все еще не решены многие вопросы. По какому пути пойдет Россия — авторитаризма или демократии, фюреризма или парламентаризма, нового тоталитаризма или республиканизма (в его президентском или парламентском вариантах)? Какое именно общество, сообщество мы хотим и каковы шансы и перспективы реализации того, что мы хотим? Перспектива каждой из названных альтернатив заслуживает самостоятельного рассмотрения. Ниже предлагаются некоторые соображения относительно условий и возможностей развития российской государственности на путях демократизации. Очевидно, что это сложный и многоплановый вопрос, поэтому главное внимание концентрируется на одном важном аспекте — на месте и роли политической культуры в формировании типа государственности в России.

17.1. Сущностные характеристики политической культуры России

Сейчас одним из наиболее актуальных и дискуссионных является вопрос о том, в какой мере реформы прежней политической системы способны привести к какой-либо форме западной парламентской демократии. Совершенно естественно, что поиски ответа на этот вопрос вызывают ожесточенные споры как у наших, так и у зарубежных авторов. Существует широкий спектр мнений, идей и концепций. Так, известный американский политолог У.Лакер, в частности, утверждал, что усилия по демократизации России обречены на неудачу, поскольку здесь нет достаточно демократов, что русские никогда не любили и не уважали демократию так, как они уважали и любили автократию. Этот тезис, разделяемый у нас в стране, особенно среди публицистов, спорен и нуждается в существенных коррективах.

Можно сказать, что у каждого народа есть некий политико-культурный генотип, который как бы передается по наследству от поколения к поколению и оказывает определяющее воздействие на политические реальности, на отношения индивида, общества и государства. Разумеется, такой генотип характерен и для России.

Очевидно, что формирующаяся государственность носит двойственный характер. С одной стороны, происходит процесс приспособления старых государственных структур к новым условиям существования, а с другой — постепенно внедряются действительно новые идеи и подходы, создаются новые институты и механизмы. Почти во всех сферах мы находим компромисс между старым и новым. В результате возникает типичное для переходного периода противоречие между содержанием и формой институционализирующейся государственности. Следует учесть и тот факт, что этот процесс протекает в условиях глубокого экономического, политического и духовного кризиса при отсутствии сколько-нибудь устоявшихся структур гражданского общества.

Поэтому очевидно, что политическая культура современной России не может не носить переходный характер. Будучи укоренена в многовековую историю страны, она вместе с тем вобрала в себя и переработала противоречивый и трагический опыт XX в. Значительный отпечаток накладывает тот факт, что ее формирование идет под знаком краха тоталитарной политической системы и развала СССР как единого имперского государства.

Хрестоматийным стал тезис о том, что политическая культура России относится скорее к разряду авторитарно-коллективистских, чем либерально-демократических. Однако анализ реального положения позволяет расценивать такое противопоставление как досадное недоразумение: во-первых, авторитаризм и коллективизм не обязательно и не всегда предполагают друг друга и, во-вторых, коллективизм отнюдь не есть антипод демократии, а зачастую может служить ее основанием.

Кроме того, российские реалии настолько нелинейны и запутаны, что они не укладываются в общепринятые типологизации и классификации, в них обнаруживается много такого, что не

поддается объяснению традиционными, не раз опробованными и оправдавшими себя на практике методами и средствами. Это особенно верно применительно к политической культуре современной России. Здесь феноменом переходного периода является наличие нескольких разнородных пластов, элементов и проблем, группирующихся вокруг следующих блоков:

Многослойность — соотношение и особенности проявления элементов традиционно российских (этатизм, авторитаризм, персонификация, анархизм, коллективизм, мессианство, соборность, солидарность, нигилизм и др.), советских (идеализм, вождизм, коммунистический эсхатологизм, баррикадное сознание, уравнительство и т.д.) и модернистских (индивидуализм, права и свободы человека, ориентация на успех и конкуренцию, рынок и демократию и др.).

Гетерогенность — сосуществование множества этнонациональных, региональных, конфессиональных и иных субкультур.

Фрагментарность — текучесть, неопределенность, неструктурированность, незавершенность, разорванность установок и ориентации.

Конфликтность — отсутствие базового консенсуса, разлом по линиям общество — власть, народ — интеллигенция, прошлое — настоящее — будущее и т.д.

Антиномичность: этатизм — монархизм, коллективизм — персонификация, архаизм — футуризм, консерватизм — радикализм, шовинизм — интернационализм, прерывность — преемственность и т.д.

Россия по многим системообразующим параметрам действительно особая страна. В качестве одной из важнейших характеристик политико-культурной палитры России уже упоминались ее гетерогенность — существование множества субкультур с различными конфликтующими, а часто и противоборствующими установками, ценностями, ориентациями. Считается, что среди элементов, унаследованных Россией от Восточной Римской империи, важное место занимает своеобразный космополитизм, или экуменизм, наднациональный, надэтнический характер власти, "интернационалистский" подход к формированию политической и интеллектуальной элиты. В рассматриваемом контексте этнокультурный плюрализм России приобретает особую значимость. На всем протяжении исторического развития России в формирование ее политической культуры внесли свою лепту различные этнонациональные, конфессиональные, социокультурные группы, каждая из которых имела свой специфический национально-исторический опыт, свои ценности, предрассудки, традиции и т.д. В этом контексте Российская Федерация является государством — сообществом народов.

Россия огромна не просто по географическим масштабам, но и по тому, что сама сущность русской (или российской) идеи — полинациональность, органическое соединение различных народов, этносов, культур, традиций, верований и т.д. С данной точки зрения русская (российская) идея обнаружила не просто открытость влияниям извне, а открытость в смысле способности органически интегрировать самих носителей этих влияний. В.С.Соловьев не без оснований подчеркивал, что все хорошее в России основано на забвении национального эгоизма. Это, говорил он [65, с. 282], и русское государство, зачатое варягами и оплодотворенное татарами, и русское благочестие, воспринятое от греков, позаимствованное с Запада просвещение, без которого не было бы русской литературы. В этом контексте Ч.Айтматов, Ф.Искандер множество других писателей, поэтов, художников — в такой же степени явления российской культуры, как и В.Астафьев, М.Дудинцев, Ф.Абрамов и др. Необходимо осознать, что ислам, буддизм и другие вероисповедальные традиции, существующие на территории России, не навязаны ей извне, не есть нечто для нее чужеродное, а составляют части ее социокультурной матрицы.

Из сказанного следует, что для российской политической культуры характерны конфликты не только интересов, установок, ориентации, но и основополагающих ценностей. Поэтому, как отмечалось выше, перестройка жизнеустройства новой России, особенно если речь идет о переходе к демократии, связана с обеспечением разным культурным традициям доступа к центрам власти и учетом многообразия культур.

Считается, что Россия унаследовала от Византийской империи специфическую имперскую государственную идею. И действительно, своеобразие России по сравнению с Западной Европой и США состояло в том, что на протяжении многих веков основой ее политического порядка была самодержавная государственная власть. Более того, государственность явилась той базовой конструкцией, на основе которой Россия стала органической целостностью. В данном контексте огромные пространства России нельзя рассматривать исключительно как фактор, способствующий обособлению отдельных регионов, регионализации, формированию там неких государственных образований и в конечном счете дезинтеграции России. Реальности нашей страны таковы, что огромность пространств и их удаленность друг от друга служили фактором, обеспечивающим усиление и расширение роли централизованного государства.

На огромных просторах российской Евразии сосуществовали разнородные этнонациональные общности, которые вступали между собой во взаимные распри и междоусобицы. В то же время эти общности, находясь на разных и низких уровнях развития, не располагая собственными коммуникациями с внешним миром» объективно были заинтересованы жить под крылом империи, а не самостийно. Сильное централизованное государство служило объединяющим для всех этих общностей началом, скрепляющим им в единый организм суперструктурой. В России именно государство выступало как носитель наиболее универсального принципа, позволяющего превратить разноликий конгломерат регионов и народов, культур и религий в единое политическое, административное, социокультурное, хозяйственно-экономическое пространство. В этом плане в России не было каких-либо автономных от государства структур и норм, призванных обеспечить порядок, целостность и жизнеспособность общества.

Развитие общества происходило под знаком определяющей роли государства, в результате чего общество и отдельный индивид выступали как пассивные объекты, а не субъекты политики. Если в Западной Европе главным противовесом власти феодалов были свободные города, то в России городские и деревенские низы, а также группы и представители среднего служилого сословия могли искать защиту от произвола бояр, помещиков только у государства. И аристократия как материально, так и морально всецело зависела от доброй воли монарха. В сущности в России отсутствовала общественность в строгом смысле слова, как противовес всевластию государства, ибо здесь не сложились какие-либо иные средства ограничения боярских и дворянских привилегий и прерогатив, а также иные механизмы интеграции и институционализации общества, кроме сильной государственной власти. К ней были привязаны и к ней апеллировали все сословия. В течение всего XIX в. государство действовало в направлении подавления любых попыток автономизации формировавшихся институтов гражданского общества. С этой точки зрения одной из важных особенностей российской истории было слияние церкви с государством, церковь являлась государственным институтом, жестко вмонтированным в систему государственного управления. Показательно, что в 1718 г. был образован департамент по делам государственной религии. Такое положение сделало государственный способ мышления специфической особенностью российского общества. Этот способ определил и мировоззрение русского человека.

С интенсификацией во второй половине XIX в. процессов индустриализации и урбанизации, особенно после реформ первой половины 60-х годов, все больше начали заявлять о себе инженеры, ученые, преподаватели и профессора, предприниматели, купцы и т.д., которые могли составить основу начавшего формироваться среднего класса — главной несущей опоры гражданского общества. Однако данный процесс был прерван большевистской революцией 1917 г. и установлением тоталитарной диктатуры. Более того, большевизм, многократно усилив проанализированную здесь особенность российского государства, как бы очистил авторитаризм и этатизм от не свойственных им примесей и пережитков, довел их до логического конца и вмонтировал в разработанный и реализованный им на практике грандиозный проект тоталитарного государства. Эта проблема достаточно подробно освещена в литературе, и здесь вряд ли целесообразно на ней останавливаться.

В России христианство, будучи государственной религией, сыграло немаловажную роль в укреплении российского этатизма. На протяжении нескольких столетий русское мессианство было связано с православной идеей и концепцией "Москва — Третий Рим", которые определяли русский народ как народ-богоносец, несущий в себе некое божественное начало, имеющий некое божественное призвание. При этом христианство было принято в России не столько как одно из сопоставимых с другими вероучений, сколько как внеисторический и вневременной образ жизни. В этом плане главные изъяны католической и протестантской церквей славянофилы усматривали в их историчности, внешней определенности и выделенности их из христианской общности. И соответственно главную задачу православия, сохранившего, по их мнению, в себе соборный дух, они видели в воплощении христианства в его окончательном синтезе.

Пропагандируя концепцию, рассматривавшую Москву как "новый Вечный город, наследницу Рима и Константинополя", церковная иерархия постоянно предупреждала царей об их священном долге превратить Московию в "Новую христианскую империю", при этом не обозначая сколько-нибудь четко ее границы. Эта доктрина сыграла важную роль в экспансии и утверждении многонациональной Российской империи на бескрайних просторах евразийского континента. Можно утверждать, что в формировании идей о величии России, ее масштабности, патриотизме и преданности отечеству — Руси-матушке, особом пути России значительную роль сыграла православная вера. В этой связи нельзя не упомянуть, что многие атрибуты и символы православной церкви стали одновременно и символами российской государственности — храм

Василия Блаженного, возвышающийся на главной площади страны рядом с Кремлем, храмы в самом Кремле, взорванный большевиками и восстанавливаемый ныне храм Христа-Спасителя, Исаакиевский собор и др. Симптоматично, что церковь возводила в ранг святых выдающихся деятелей, которые не являлись ее служителями, например равноапостольных Кирилла и Мефодия, св. Владимира, Александра Невского, Дмитрия Донского и др.

С установлением тоталитарной системы роль и функции, которые в обосновании русской государственности выполняло православие, перешли к марксизму-ленинизму, ставшему единственной, безраздельно господствующей государственной идеологией большевистского режима, превращенной в некую разновидность религиозного откровения. Российская интеллигенция со свойственными ей крайностями восприняла и усвоила марксизм как не подлежащую критике веру. Низвергнув христианского бога, она возвела на его место новых, атеистических идолов и кумиров. С самого начала советского периода была развернута деятельность по деификации сначала В.И.Ленина, а затем и других вождей мирового пролетариата. В итоге марксизм-ленинизм приобрел все атрибуты фундаментализма с его фанатизмом, буквализмом и эсхатологизмом.

Благодаря этому в русском человеке выработался весьма высокий по сравнению с европейцами и американцами уровень чувства ожидания от государства, причем нередко ждут не столько правовых законов, устанавливающих соответствующие нормы и правила игры, сколько конкретных действий в поддержку конкретных людей (разного рода льготы и привилегии, патернализм и клиентализм со стороны государства).

Крушение СССР и вызванный этим тотальный кризис, несомненно, нанесли удар по самой российской государственности, подорвали привычное обустройство жизни, саму структуру менталитета, поставили под сомнение комплекс идей и идеалов, лежащих в основе российской государственности. Способна ли в такой ситуации демократия ответить на вызовы новых исторических реальностей? Может ли либерализм, консерватизм или какой-нибудь иной "изм" заполнить тот вакуум, который образовался после краха марксистско-ленинского идеологического проекта? В этой связи обращает на себя внимание выдвижение на политическую авансцену множества идей, концепций, проектов, программ переустройства общества — от авторитарно-монархических до радикально-анархистских, от коммунистическо-тоталитарных до национал-державных. Для правильного понимания этой ситуации и выявления возможных путей формирования новой российской государственности обратимся к некоторым, еще не затронутым параметрам политической культуры.

17.2. Антиномичность российского менталитета

В рамках одной и той же политической культуры могут быть выделены отдельные массивы, пласты, которые получили названия субкультур и довольно существенно различаются по установкам и ориентациям их носителей. Но при всем этом устойчивость и жизнеспособность любой политической системы зависят от степени ее соответствия ценностям базовой политической культуры общества.

С этой точки зрения сущностной характеристикой российской политической культуры является то, что каждый ее базовый элемент имеет свою антитезу. Поэтому и говорят об антиномичности политической культуры России. Так, в течение последних трех столетий имел место постоянный конфликт субкультур — западнической и почвеннической, радикальной и патриархально-консервативной, анархической и этатистской и т.д. В данной связи Н.Бердяев указывал на антиномичность и противоречивость, двойственность и иррационализм "русской души" — поразительный симбиоз анархизма и этатизма, готовности отдать жизнь за свободу и неслыханного сервилизма, шовинизма и интернационализма, гуманизма и жестокости, аскетизма и гедонизма, "ангельской святости" и "зверской низости". Возможно, прав С.Аверинцев, который говорил, что мысль о двух культурах в одной культуре даже В.И.Ленину могла прийти в голову только в России. Показательно, что понятием "раскол", которое нельзя аутентично перевести ни на один другой язык, обозначается реальность, универсалия русской жизни — раскол между властью и народом, народом и интеллигенцией, интеллигенцией и властью, между различными религиозными направлениями, политическими силами. Эта особенность обусловила перманентное отсутствие в России базового национального консенсуса. Тоталитаризм при всех претензиях преодолеть этот негативный комплекс многократно его углубил.

Российская империя была, если можно так сказать, одной из самых абсолютистских и самодержавных. Здесь имело место наиболее жесткое закабаление крестьянства — крепостничество. Постоянный сильнейший прессинг государства практически исключал

существование каких бы то ни было предохранительных клапанов для выхода избыточной энергии, не мог не создать сильнейшее революционное напряжение в обществе. Чем жестче этот прессинг, тем сильнее ответная реакция. Поэтому не удивительно, что оборотной стороной сильного централизованного государства были неприятие его народом и противодействие ему. Как подчеркивал А.Герцен,

...вопиющая несправедливость одной половины законов государства научила народ ненавидеть и другую ее половину. Полное неравенство перед судом убило в нем всякое уважение к законности. Русский, какого бы он звания ни был, обходит или нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно, и совершенно так же поступает правительство.

Время от времени неприятие властей и противодействие им проявлялись в бунтах, восстаниях, революциях. Самодержавная, абсолютистская власть оказывалась чревата анархией и устремленностью людей к воле; комплекс верноподданничества уживался с крайним радикализмом, вспышки революционности уступали авансцену волне реакции и контрреволюции.

Парадокс состоит в том, что русский человек, будучи в сущности человеком государственным, вместе с тем боялся государства, избегал иметь дело с властями, не доверял государственным учреждениям. Отсюда — конфликтность государственного сознания русского человека, с одной стороны, и неприятие им власти — с другой. Эта особенность приобрела свои крайние формы в период тоталитарного государства. Достаточно напомнить, какой прямо-таки inferнальный ужас испытывал советский человек перед всемогущим тоталитарным левиафаном. Этот ужас предельно четко выразил О.Мандельштам, когда писал: "Власть отвратительна, как рука брадобрея". Но чем страшнее себя проявляла власть, тем, казалось, сильнее у советского человека проявлялось стремление приобщиться к ней, войти в нее, стать ее частью. Доведенное до крайности амбивалентное отношение к государству и властям способствуют формированию своеобразного двойного стандарта в их оценке, который при тоталитаризме имеет крайние, поистине шизоидные формы. Человек как бы раздваивается, приобретает двойное дно. Речь идет об упомянутом в гл. 8 массовом феномене, названном Дж. Оруэллом двоемыслием или мыслепреступлением.

Однако стоит государству ослабить вожжи управления, как обратная сторона стандарта становится самодовлеющим. Неприятие власти оборачивается требованиями ее свержения, которые, как показывает опыт России первых двух десятилетий XX в., в конечном итоге выливаются в революции. В таком случае отношение к опостылевшей, ненавистой власти уже не может быть половинчатым, амбивалентным. Она безоговорочно и полностью отвергается. Неудача перестройки и драма ее зачинателей помимо всего прочего в немалой степени определялись и тем, что не был учтен этот фактор. Если вспомнить перипетии последнего десятилетия политической жизни России, то обнаружится, что по мере ослабления мертвой хватки тоталитарного режима героями и любимцами народа автоматически независимо от их реальных достоинств становились лица, декларировавшие свою оппозицию существовавшему тогда режиму. М.Горбачев, первоначально с огромным энтузиазмом принятый народом, постепенно терял ауру, влияние и власть потому, что он не смог, а возможно, и не пожелал окончательно порвать с режимом.

Принято считать, что у российской общественности дополнительную легитимность и сочувствие завоевывают лица, пострадавшие от власти имущих. Как говорится в России, за одного битого двух небитых дают. Чтобы убедиться в правомерности этой русской поговорки, достаточно вспомнить эпопею стремительного восхождения на вершину власти Б.Ельцина и множества других персонажей более мелкого калибра. С этим связан и так называемый феномен негативного голосования. Речь идет о том, что избиратели голосуют за того или иного кандидата не столько потому, что он им нравится, сколько потому, что им не нравится его противник. В сущности так обстояло дело с многими действующими и уже успевшими сойти со сцены политиками, которые сделали карьеру на критике властей. Здесь нельзя не упомянуть такие удивительные, на первый взгляд, перевоплощения многих диссидентов 60-х — 80-х годов, которые, не приняв трудно осуществляющиеся демократические реформы, решительно, на 180° изменили свои позиции и объективно превратились в апологетов прежнего режима. Объяснить этот феномен можно тем, что в данном случае мы имеем тот тип российского человека, который не приемлет не какой-либо конкретный политический режим, а любую власть и любой режим вообще. Здесь нигилизм выступает как сущностная черта русской интеллигенции.

Для России характерна ярко выраженная персонализация политической жизни — установки, симпатии и антипатии россиян ориентированы скорее на личности конкретных политиков, чем на политико-идеологические программы. В этом контексте облик и судьбы российской истории на различных ее этапах определяли Иван Грозный, Петр I, Екатерина II, В.Ленин, И.Сталин, М.Горбачев, Б.Ельцин и др. По сравнению с остальной Европой в России разделение власти над людьми и вещами, государственной власти и собственности, государственной или политической сферы и экономической, социальной и иных сфер произошло значительно позже и в весьма несовершенной форме. В важнейших своих аспектах государство в России вплоть до реформ 60-х годов XIX в., а в чем-то и позднее, носило вотчинный или патримониальный характер. В этой связи интерес представляет наблюдение М.Масарского. Если русское слово "государство" восходит к частнопрововому термину "государь", первоначально означавшему собственника рабов и вещей, то английское "state" и французское "l'état" — к публично-правовому понятию "статус", означающему "состояние, упорядоченность". На Западе с времен средневековья проводится четкое разграничение между публичной властью государя и его частной наследственной собственностью, тогда как московское вотчинное государство было неограниченным собственником всей земли, людей и вещей на его территории. Показательно, то патриотизм в России носит не столько националистическую, сколько государственно-патриотическую направленность. Поэтому не случайно, что у нас националистически ориентированные патриоты называются национал-патриотами.

Вместе с тем гипертрофированная значимость государства способствовала тому, что в сознании рядового россиянина произошло смешение понятий патриотизма — любви к Родине и лояльности в отношении действующего правительства, понятий страны и государства, а последнего с конкретным правительством и, наконец, с определенной личностью — царя, губернатора, помещика, а в период тоталитаризма — с личностью вождя, генерального секретаря ЦК КПСС, секретаря обкома, горкома и т.д. Критика политики того или иного руководителя и действующего правительства может рассматриваться как неприятие самой системы.

Для России с ее персонализацией политики и самой государственной системы, нечеткостью разделения государства и других сфер характерна тенденция перенесения дихотомии друг — враг (см. в гл. 12) с сугубо политической сферы на все другие сферы жизни. Политический враг не может не быть противником также в экономической, культурной и иных сферах. В период господства тоталитаризма эта тенденция была многократно усилена и доведена до абсурда марксизмом-ленинизмом, который возвел идею непримиримой классовой борьбы в универсальный принцип, будто лежащий в основе всех без исключения общественно-исторических и социально-политических феноменов. В либеральной системе мировоззрения считается, что человек, нейтральный к существующему положению, молчаливо согласен с ним. При тоталитаризме исключается само понятие нейтралитета, он воспринимается как неприятие, и соответствующее лицо причисляется к лагерю врагов. Причем действует закон: "Если враг не сдается, его уничтожают". Поэтому правомерен вопрос: мог ли сложиться в России "человек политический" в западном, евро-американском понимании этого слова?

Все это повлияло на нынешнюю политическую ситуацию в России, ее политическую культуру, политические установки, симпатии и антипатии российского народа. Как справедливо отмечал М.Масарский, пирамида российского истеблишмента была перевернута, она как бы стояла на острой вершине, откуда шли как организующие, так и дезорганизующие импульсы. С данной точки зрения немаловажное место в истеблишменте занимала и продолжает занимать интеллигенция [31, с. 168]. В событиях и перипетиях последнего десятилетия она стала одним из застрельщиков политических "бури и натиска".

С значительной долей уверенности можно сказать, что почти все российские политические партии, организации, движения формировались вокруг известных личностей, получивших популярность на том или экономическом, общественном или политическом поприще благодаря своим личным качествам, связям, выступлениям на публичных встречах, в средствах массовой информации и т.д. Сейчас можно наблюдать тенденцию к преобладанию во властвующих группах представителей интеллигенции (особенно в крупных городах). Они вдруг превратились в политических руководителей, не имея для этого опыта, а нередко, и реальных данных.

Музыканты и драматурги, кандидаты и доктора экономики и философии, актеры и кинорежиссеры стали лидерами партий и организаций, депутатами Федерального и провинциальных законодательных собраний, министрами и т.д. Но в результате монополии государства и одной господствующей партии, не допускавшей существования каких бы то ни было автономных источников власти, российская элита слабо дифференцирована, плохо осознает свои интересы и не умеет должным образом их отстаивать. Кроме того, элита,

выдвинувшаяся на политическую авансцену с началом перестройки, сама была в некотором роде осколком разрушавшейся системы, она вышла из тех же привилегированных групп, которые в свое время имели, хотя и ограниченный, доступ к информации, а порой и материальным благам, предоставлявшимся системой.

В этом контексте парадокс российских реформ состоит в том, что, вовлекая интеллигенцию в орбиту политики, они перманентно воспроизводят себе оппозицию. Нужно учесть, что из среды интеллигенции "во власть идут", как правило, наиболее амбициозные и домогающиеся ее, уверенные в своем праве властвовать, в своей миссии учить народ и руководить им.

Показательно, что в политических баталиях именно представители интеллигенции проявляют наибольшую идейную твердолобость и готовность впасть в крайность. С сожалением приходится констатировать Г.П.Федотова, который характеризовал русскую интеллигенцию как "группу, движение и традицию, объединяемые идейностью своих задач и беспочвенностью своих идей". Это обусловило другую, не менее важную особенность российской интеллигенции, которую Л.Б.Алаев вполне обоснованно назвал [13, с. 118] подростковым синдромом непризнания авторитета взрослых и поисков истин и ценностей, способных заменить общепринятые. В этом, как представляется, отчасти коренится драма или даже трагедия российской интеллигенции.

Оборотной стороной персонализации в российской политике является апофеоз народа, массы, народности. Наряду с самодержавием и православием народность составляла одну из трех главных опор в идеологии российского государства. Феномен "хождения в народ" всегда был весьма популярен в России. В этом аспекте существенный отпечаток на современную политическую культуру наложил тоталитаризм, который невозможен без массовой базы, массовости как таковой.

Природно-географические и национально-исторические условия формирования русского государства предопределили особый тип его развития, который А.Фонотов назвал мобилизационным. Ориентированный на достижение чрезвычайных целей с использованием чрезвычайных средств и чрезвычайных организационных форм этот тип предполагает обращенность в будущее при определяющей роли государства. "Догоняющее" развитие, на которое со времен татаро-монгольского нашествия была обречена Россия, стало причиной необходимости постоянного "подстегивания" естественного хода событий, что в свою очередь обусловило формирование разветвленных механизмов внеэкономического принуждения и соответствующих норм политического поведения. В этом контексте можно сказать, что важнейшие реформистские начинания в России от Петра Великого до П.Столыпина в значительной степени были инициированы именно соображениями "подстегнуть" социально-экономическое и политическое развитие страны.

Что касается истории России советского периода, то она стала как бы квинтэссенцией именно этого типа развития. Для марксизма-ленинизма было характерно нечто вроде "дезертирства в будущее" — упор на будущее за счет нынешних поколений и в ущерб им. Жизнеспособность тоталитарной системы обеспечивалась тем, что она находилась как бы в постоянном мобилизационном состоянии. Более того, непрерывное нагнетание напряженности и связанные с этим условия чрезвычайности и своеобразных гигантских гонок (все время надо что-то или кого-то догонять и перегонять) являются оптимальным для нее состоянием. Эту установку И.В.Сталин сформулировал так: "Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние за десять лет". Не идти, а именно пробежать. При такой постановке вопроса темпы сами по себе превращаются в цель, становясь мощным психологическим фактором принуждения. С этой точки зрения вся история Советского государства представляет собой череду различных, сменяющих одна другую кампаний: электрификация, коллективизация, индустриализация, освоение целины, химизация, мелиорация и т.д. Само строительство коммунизма в очередной программе КПСС, принятой на XXII съезде, тоже было подано в форме обычной кампании. Первоначально и перестройка, по-видимому, также мыслилась партийно-государственным руководством как очередная кампания.

Кампанейский подход к решению проблем диктовал кампанейские стиль, средства и методы: чрезвычайность, спешка, непродуманность, волонтаризм. Это отчетливо проявилось в терминологии: "битва за урожай", "ударная стройка", "ударные темпы", "фронт работ", "с идеологического фронта" и т.д. При каждой смене руководителей партии и государства советскому народу объявлялось, что в стратегическом плане мы шли верным путем, но прежнее руководство вело нас к коммунизму не той дорогой. Естественно, все неудачи и просчеты приписывали этому руководству и стране предлагалось все начинать сначала. Иначе говоря, при каждой смене руководства история как бы начиналась снова. И сейчас многие испытывают почти непреодолимое искушение рассматривать реформы как очередную кампанию.

Еще более важное значение имеет то, что большинство оппозиционных объединений и группировок предлагает не просто программы конкретного политического курса в рамках действующей политической системы и установленных законом правил игры, а создание новой политической системы, т.е. речь идет не о совершенствовании и корректировке режима, а о его смене. Но главной предпосылкой жизнеспособности и эффективности демократической государственности являются признание и принятие большинством населения, в том числе конкурирующими (или противоборствующими) социально-политическими силами, некоторых основополагающих принципов и норм государственного устройства. Партии и силы, игнорирующие эти принципы, нормы, правила, по сути дела следует называть не оппозиционными, а антисистемными. С этой точки зрения острую бескомпромиссную борьбу между президентскими структурами и парламентом в период сентябрьско-октябрьского кризиса 1993 г. с очень большими и серьезными оговорками можно назвать конфликтом между правящей коалицией и оппозицией в общепринятом смысле этого слова, поскольку их борьба была вызвана разным пониманием государственного устройства.

В этом плане, во всяком случае в теории, мало что изменилось и сейчас. Политические споры, дискуссии, баталии разворачиваются, как правило, на основе антиномий: коммунисты — демократы, рыночники — антирыночники, державники — интернационалисты, западники — евразийцы и т.д. При этом каждый политический деятель, каждая политическая партия себя и только себя считают носителем единственной и окончательной истины. За другими истинами и соответственно интересами легитимность имплицитно отрицается.

В силу одержимости и ущемленности российского менталитета тоталитаризмом мы идеологи по самому определению. В России, если кто-то сторонник монархии, то он самый последовательный и решительный монархист, сторонник авторитаризма — самый последовательный авторитарист, сторонник марксизма — самый последовательный и решительный коммунист и т.д. Каждый из них не приемлет мнений и интересов приверженцев других течений и направлений.

Рассуждения о русской специфике нередко приобретают самодовлеющий характер. Во многом именно стараниями демократов складываются самые превратные представления о демократии и ее предначертании: партии ради выборов, выборы ради парламента, парламент ради демократии, Демократия для партий и т.д. и все это вне связи с духом народа и его менталитетом, вне связи с инфраструктурой нашего образа жизни. Как остроумно отметил обозреватель газеты "Известия" О.Лацис, российским избирателям в Государственную Думу в декабре 1995 г. предстояло сделать выбор между теми, кто собирается наводить порядок в России, и теми, кто хочет приводить в порядок Россию. Победившая сторона, естественно, пытается каждый раз по-новому на свой лад начинать историю. Действительный прорыв в истории России наступит лишь тогда, когда российские политики и народ осознают необходимость преодоления комплекса "дезертирства в будущее" и положить конец бесконечной череде перерывов.

В этом смысле было бы весьма полезно присмотреться к опыту стран с успешно функционирующими демократиями. Так, Франция за два столетия пережила три революции, две империи, две реставрированные монархии, пять республик. Величие Ф.Миттерана как политического и государственного деятеля состоит прежде всего в том, что он поставил последнюю точку в бесконечной череде смен режимов и конституций. Сначала законным путем завоевав власть у консервативно-голлистского лагеря, он в течение 14 лет находился у руля власти, неукоснительно соблюдая действующие конституционные нормы. В 1995 г. после поражения на президентских выборах своей партии Миттеран осуществил передачу власти представителю консервативно-голлистских сил и тем самым окончательно легитимизировал конституцию Пятой республики, разработанную и введенную в силу его политическим противником Ш. де Голлем. Таким образом был положен конец традиции постоянной смены режимов.

17.3. Российский путь к демократии

Добиться такого же результата для России возможно только на путях демократического переустройства и перехода к правовому государству.

Данные современных социологических исследований свидетельствуют об очень низком уровне доверия в России ко всем политическим институтам. Издержки реформ и демократизации, которые нельзя считать более значительными, чем издержки других революций, порождают разочарование и недовольство нынешним положением и ностальгию по советским временам, а у отдельных групп населения и по дореволюционной России. Но при всем этом нельзя не

согласиться с теми исследователями, которые считают, что "российское общество 90-х годов оказалось обществом перспективного, а не ретроспективного идеала". То, что на пути становления российская государственность, ее институты сделали существенный шаг вперед — неоспоримый факт. Их контуры приобретают все более четкие очертания. Принята новая Конституция России, в которой высшей ценностью провозглашены права, свободы, честь и достоинство человека. Более того, их обеспечение и защита рассматриваются как смысл и оправдание государства. Подписан и реализуется Федеральный договор. Сформирован и функционирует Конституционный Суд как высший орган правового надзора за деятельностью исполнительной и законодательной ветвей власти. Федеральное Собрание все более уверенно заявляет о себе как важный фактор политической жизни страны.

В свете происшедших в стране за последние годы трансформаций перспектива сползания к какой бы то ни было форме диктатуры выглядит не столь бесспорной, как изображают некоторые публицисты. Для этого уже нет достаточных социально-психологических и идеологических предпосылок. В принципе можно допустить, что монархия или авторитаризм в том или ином виде — наилучшие формы правления. Но откуда же взять таких монархов или авторитарнее, которые бы устраивали если не все население страны, то хотя бы дееспособное большинство. Да и монархи в современном мире претерпели столь существенные трансформации, что по демократичности могут превосходить руководителей многих демократических режимов.

Важно отметить, что в системе ориентации и установок русского народа авторитарно-этатистские элементы органически сочетаются с элементами, которые совместимы с демократией. Дело не только в том, что за последние годы возросла численность людей, симпатизирующих западным ценностям и правилам политической игры, но и в том, что ряд подобных или родственных им ценностей и принципов коренятся в самой русской ментальности. Выше уже говорилось, что западные образцы государственности по-настоящему, так сказать, в первозданном евроцентристском варианте не могут институциализироваться в восточных странах, где господствуют так называемые органические социокультурные, политико-культурные, религиозные и иные традиции и формы ментальности. Россия по многим параметрам относится именно к такому типу стран. Расположенная на стыке или перекрестке восточных и западных культур, она не может не иметь собственного понимания, собственную модель народовластия, демократии. Какая именно будет эта модель, определит будущее. Но нет никаких сомнений в том, что это будет специфически российская демократия.

Поэтому главная проблема, стоящая перед Россией, состоит в том, чтобы найти пути и способы достижения органического сочетания рыночной экономики, политической демократии, правового государства, исторических традиций российской государственности. Здесь, конечно, особое место занимает вопрос о соотношении рынка и пределов государственного вмешательства. Государство призвано защищать интересы людей от негативных последствий рынка. Именно в этом состоит суть глубоко демократических по своей сущности законов о социальной защите неимущих слоев населения во всех индустриально развитых странах в рамках государства благосостояния, которое стало как бы воплощением самого правового государства.

Особо важен этот факт для России, где коллективистское, общинное, солидаристское и иные начала составляют основу интегральной части национального миропонимания, социокультурной системы и политической культуры. В России рыночная экономика и государство по самой своей сути просто не могут не быть социальными. Со значительной долей уверенности можно сказать что успех рыночных реформ в России в качестве необходимого условия предполагает учет и подключение тех исторических российских традиций, которые носят если не антикапиталистический, то некапиталистический характер в общепринятом смысле слова.

Надо отметить и то, что на пути к демократии и новой государственности России не обязательно повторять все этапы, которые прошли европейские страны. Об этом свидетельствует опыт стран Азиатско-Тихоокеанского региона, которые, сделав стремительный взлет, за четыре десятилетия преодолели путь, на который западным странам понадобились столетия. Показательно, что эти страны, начав индустриализацию лишь два-три десятилетия назад, уже в начале 80-х годов взяли курс на постиндустриальный тип экономического развития. Что касается России, то при всей обоснованности рассуждений об обратном, нельзя не согласиться с теми исследователями, которые приводят убедительные доводы, указывающие на то, что "в российском обществе созрела "критическая масса" для перехода к подлинно цивилизованному развитию" [8, с. 130]. Как представляется, не востребованность, нереализованность подспудных, дремлющих, подавляемых в течение многих десятилетий

потенций может стать при определенных условиях предпосылкой творческого прорыва в различных сферах в настоящем и будущем.

В рассматриваемом контексте нельзя не затронуть вопрос, имеющий особую значимость для перспектив российской государственности. Участники дискуссий, развернувшихся в последнее время в отечественной публицистике, в лице "государственников" и "демократов" ведут ожесточенные споры относительно того, по какому пути следует идти России — державности или демократии, державности или федерализма (отождествляемого с демократией).

Представляется, что при такой постановке альтернативы ложные и сама дискуссия — плод недоразумения. Здесь прежде всего нужно определить, какое именно содержание вкладывается в данные понятия. В российской публицистике нередко державность отождествляется с самодержавной, авторитарной властью, не ограниченной законодательными или иными противовесами. В то же время у иных авторов демократия отождествляется с полной, ничем не ограниченной свободой, граничащей с вседозволенностью и анархией. В действительности же правильно понятые державность и демократия отнюдь не исключают и не могут исключать друг друга. Если под державностью иметь в виду сильную государственность, а под демократией свободу в рамках ответственности, то с полным основанием можно утверждать, что без четкого, решительного и принципиального следования идее сильной российской государственности все рассуждения о демократии, свободе, гражданском обществе, правовом государстве и т.д. останутся лишь пустыми разговорами, опасным и безнравственным кокетничаньем перед разношерстной люмпен-интеллигентщиной, требующей полного и окончательного решения немедленно всех вопросов, в том числе и неограниченной свободы, демократии, прав человека. Нельзя упускать из виду тот общеизвестный, можно сказать, банальный факт, что истинные свободы, демократия и права всех граждан независимо от национальной, социальной, религиозной или иной принадлежности отнюдь не противоречат идее и принципам государственности. Более того, они взаимно пронизывают, предполагают друг друга и невозможны друг без друга.

Свобода и права человека превращаются в иллюзию, если полноценно не работают все без исключения властные структуры как по вертикали, так и по горизонтали.

Согласно канонам системной теории, для поддержания жизнеустойчивости и равновесия система должна иметь более или менее сильное ядро, способное удержать в своей орбите компоненты периферии и обеспечить преобладание центростремительных сил над центробежными. Этот момент приобретает особую значимость в нынешних условиях, чреватых негативными последствиями для российской государственности. Императивы сохранения единства государства оказались важнее ускорения процессов создания реальной федерации, в результате чего на первый план выдвинулась необходимость концентрации внимания на факторах консолидирующего характера.

Не следует ни обожествлять государство, ни считать его дьявольским наваждением. Но вслед за И.Ильиным можно повторить, что государство представляет собой "положительно-правовую форму родины". В 1958 г. Ш. де Голль потому и одержал победу над своими противниками недееспособной Четвертой республики, что выдвинул в качестве политического лозунга идею величия Франции. Одним из важнейших факторов, обеспечивших успех правительства социалистов во главе С.Ф. Гонсалесом в 1982 г., было то, что оно твердо отстаивало идею целостности сильного испанского государства. Немаловажную роль в том и другом случаях сыграл патриотизм соответственно французов и испанцев. В этом смысле элементы державности присущи США — классической демократической республики.

Но одинаково опасны как переоценка, так и недооценка места и роли государства. Оно должно быть слабым и малым, т.е. не быть препятствием всему тому, что служит реализации потенциальных возможностей отдельной личности: частного, специфического, партикулярного и т.д. Запретными зонами для государственного вмешательства являются вера, культура, искусство, частная жизнь, т.е. все те сферы, где осуществляются производство и воспроизводство человека, его социокультурная, духовная этнонациональная самость. Это те сферы, которые способны саморегулироваться с помощью морально-этических норм, правил игры, гражданской ответственности и других механизмов, которыми располагает само гражданское общество без вмешательства государства. Государство должно быть большим и сильным в плане реализации права и закона, создания условий для эффективного функционирования гражданского общества, в гарантировании жизни, прав и свобод отдельной личности независимо от его социального происхождения, вероисповедания, национальности и т.д. Оно должно быть слабым и малым, там, где речь идет о юрисдикции, полномочиях, прерогативах и функциях субъектов федерации, сильным и большим при отстаивании общегосударственных начал. Необходимо не противопоставлять эти начала, а органически

интегрировать их в некое неразрывное целое, утверждать либеральные принципы таким образом, чтобы они органически сочетались и уживались с консервативными, традиционалистскими, патерналистскими принципами.

Очевидно, что изложенные здесь положения никоим образом не противоречат принципам индивидуальной свободы, правам человека и гражданина, рыночной экономике, социального, политического, культурного, идеологического и иных форм плюрализма, т.е. всему тому, что составляет сущностные характеристики демократии. Не противоречат они и основополагающим принципам правового государства.

Как свидетельствует исторический опыт, сильным и дееспособным оказывается то государство, где границы свободы и прав человека строго фиксированы законом, а власть служит закону в качестве инструмента реализации и гарантии свобод и прав человека. Без этих условий демократия превращается в анархию - правовое государство тогда и только тогда может в полной мере выполнить свои функции, если оно способно не только принимать, но и, что еще важнее, обеспечивать реализацию этих законов. Именно в таком государстве последовательно сочетаются основополагающие принципы прав человека, прав и свобод всех входящих в него народов, их самоопределения, а также правозаконности и сильной власти как по вертикали, так и по горизонтали. В условиях сегодняшней России таковым может быть лишь государство, основанное на принципах подлинного федерализма, правозаконности и реального разделения властей как между различными ветвями власти, так и между Центром и субъектами федерации.

Вопросы и задания для самопроверки

1. В чем состоят особенности политической культуры России?
2. Что можно сказать о генотипе политической культуры России?
3. Что имеют в виду, когда говорят о многообразии России, России "многих скоростей"?
4. Каково место идеи государства или державной идеи в политической культуре России?
5. Какова роль православия и других конфессий в детерминации характера политической культуры России?
6. В чем, по-вашему, состоит антиномичность российского менталитета?
7. В чем в России проявляется персонализация политики?
8. Дайте характеристику роли интеллигенции в политической жизни России.
9. Какое влияние оказал "догоняющий тип" развития на политическую культуру России?
10. Противоречат ли духу российского менталитета принципы и ценности демократии?
11. Какие именно элементы политической культуры России могут содействовать утверждению демократии?
12. Какова, по-вашему, особенность российского пути к демократии?